

© 2014 г.

Е. Ю. МУЛЕЕВ

АРХИТЕКТУРА И СОЦИОЛОГИЯ В СССР: ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

МУЛЕЕВ Егор Юрьевич – младший научный сотрудник Института экономики транспорта и транспортной политики НИУ ВШЭ (E-mail: muleev.egor@gmail.com).

Аннотация. Статья посвящена анализу взаимодействия архитектуры и общественных наук в советский период, начиная с 1920-х гг. Рассмотрено влияние социального знания на архитектурные и планировочные решения. Работа опирается на обзор профильных периодических изданий, сборников и монографий по архитектуре и социологии города.

Ключевые слова: социология города • социология архитектуры • градостроительство в СССР

Несмотря на внимание к тематике архитектуры в социологическом сообществе¹, обзора подобных исследований не предпринято, поэтому мы попытались проанализировать связь, которая существовала между социальным знанием и конкретными планировочными решениями как в масштабе города, так и жилища. Базой для анализа социального знания об архитектуре выступили журналы “Современная архитектура” (1926–1930 гг.), “Декоративное искусство СССР” и “Архитектура СССР” (с конца 1950-х гг. до начала 1990-х гг.); материалы по социологии архитектуры и градостроительства, хранящиеся в библиотеках ИНИОН РАН, ЦНТБ, ГПНТБ, РГБ².

Короткий период авангарда 1920-х гг. требовал поиска критериев творческого изменения повседневности человека новой, коммунистической формации. Попытки критического изучения культуры с точки зрения марксизма предпринимали как архитекторы – М.Я. Гинзбург, Н.А. Ладовский, Р.Я. Хигер, К.С. Алабян, Н.С. Кузьмин, так и представители гуманитарного знания – А.В. Луначарский, В. Гаузенштейн, В.М. Фриче, И.Л. Маца. Мыслители руководствовались несколькими тезисами, которые были выведены из марксистских идей: (а) “равномерное размещение промышленности по территории”, (б) “стирание противоречий между городом и деревней” и (в) “устранение эксплуатации одним классом другого”. Целью была теория пространственного воплощения социалистического общества. В западных странах происходили схожие процессы в градостроительстве и архитектуре³, которые заключались в попытках создания новых форм жилища, общественных зданий и градостроительных концепций.

¹ См.: [Делитц, 2008; Смит, Бани, 2010; Вильковский, 2010]. На IV Всероссийском социологическом конгрессе в 2012 г. впервые выделяется одноимённая секция.

² Автор также выражает благодарность О.И. Шкаратану, О.Н. Яницкому, А.Г. Раппапорту, Д.С. Хмельницкому, которые внесли некоторую ясность в понимание событий рассматриваемой эпохи.

³ Силами Льюиса Мамфорда, Ле Корбюзье, Патрика Аберкромби, Вальтера Гропиуса и пр. Этот процесс В.Л. Глазычев называет “пространственным освоением территории” и рассматривает в работе “Город без границ” [Глазычев, 2011].

Энгельс ограничился лишь несколькими комментариями к способу расселения, занимаясь в основном выявлением и критикой экономических механизмов роста города и общественных отношений в нём⁴. Но это не только “собственный домик, а по возможности и садик, как в Англии”, – писал он, и не “казарменная система больших зданий с большим числом рабочих квартир как в Париже, Вене и т.д...” [Энгельс, 1948: 105]. Существование противоречия между деревенским “идиотизмом”⁵ и городской скученностью является последствием отношений эксплуатации. Городской рост связывается с развитием промышленности, с необходимостью централизации производственных и человеческих ресурсов, с разделением труда, что делает их “аккумуляторами пролетариата и пролетарской организованности” [Гуревич, 1932: 502]. Важно, что “современные крупные города будут устранены только с уничтожением капиталистического способа производства...” [Энгельс, 1948: 403]. Каким образом будет осуществляться социалистическое расселение на данном этапе не является принципиальным вопросом, но начало представляется следующим образом: “Помочь устранению жилищной нужды можно немедленно путем экспроприации части роскошных квартир, принадлежащих имущим классам, и принудительным заселением остальной части”. Добавляя, что “стремиться решить жилищный вопрос, сохраняя крупные города – бессмыслица” [Энгельс, 1948: 403].

Роль архитектурного пространства в жизни формирующегося социалистического общества приобретает важную роль “изобретательства новых типов архитектуры, долженствующих оформить и кристаллизовать новый социалистический быт” [Гинзбург, 1926а: 44]. Характерной чертой отечественного авангарда является доминанта “научного подхода” в вопросах архитектурного проектирования, которое должно “вытекать из всестороннего учета как общих законов восприятия, так и его специфических особенностей, которые свойственны восприятию молодого общественного класса” [Хигер, 1928]. У архитекторов возникает потребность в изучении повседневности рабочего, анализе результатов социологического наблюдения и формулировке предложений, что получило название “графика трудовых процессов”. Отметим, что в дополнение к проектированию в 1920-х гг. внедрялись принципы научной организации труда, проведения соответствующих экспериментов, объектом исследования которых являлся “труд рабочих и его совершенствование через рационализацию каждого движения рабочего” [Абрамов, 2005: 163]. Однако результат архитектурного проектирования зачастую принимал радикальный вид, сформированный скорее лозунгами индустриализации, нежели вопросами комфорта⁶.

Тем не менее, в Германии проводился ряд обследований т.н. “психофизиологии труда”⁷, которые советские архитекторы решили продолжить с целью установить “влияние на различные виды труда <...> различных факторов обстановки: а) абсолютных размеров помещения; б) формы помещения; в) пропорций помещения и его частей; г) формы и расположения световых отверстий; д) цветофактуры стен, потолка, оборудования” [Барц, 1928: 72]. Архитектура стала восприниматься как “наука по классовой организации производственно-бытовых процессов людей материально-

⁴ Тематике города посвящены труды Энгельса: “Положение рабочего класса в Англии” 1845 г. и “К жилищному вопросу” 1872 г.

⁵ Несмотря на то, что крупные города становятся объектом марксистской критики ещё в XIX в., деревенский образ жизни неслестно и не вполне корректно именуется у основателей марксизма “идиотизмом”: “Буржуазия <...> увеличила численность городского населения по сравнению с сельским и вырвала таким образом значительную часть населения из идиотизма деревенской жизни, так же как деревню она сделала зависимой от города...”, – пишут Маркс и Энгельс в Манифесте коммунистической партии 1848 г. [Маркс, Энгельс:1955].

⁶ См. работы историка архитектуры Д.С. Хмельницкого “Кладбище соцгородов. Градостроительная политика в СССР 1928–1932 гг.”; историческо-урбанистическую работу М.Г. Мееровича “Рождение и смерть города-сада. Градостроительная политика в СССР. 1917–1926 гг.” а также культурологическую работу В.З. Паперного “Культура два”.

⁷ Подобными исследованиями занимались в Германии Мюстенберг, Шлезингер, Штокхаузен, во Франции – Фере. Некоторые результаты были опубликованы в книге Шлезингера “Психотехника”, вышедшей в Москве в 1925 г. В СССР изучением трудовых рефлексов занималась бехтеревская школа.

техническими средствами <...> Наука, тесно связанная с общественно-политическими дисциплинами” [Кузьмин, 1930: 14]. Впоследствии материалистическое толкование приходит к тому, что архитектура конструктивизма является не стилем, а “методом” решения пространственной задачи. “Наш фронт современной архитектуры базируется на том принципе, что законченное архитектурное произведение, как и всякая иная истинно-современная вещь, есть не дом, не вещь плюс какая-то эстетическая прибавка к ней, а разумно и планомерно организованная конкретная задача, в самом методе организации содержащая максимальные возможности своей выразительности” [Гинзбург, 1926b]. Архитектура отказывается от эстетического осмысления, заключенного в восприятии внешних форм, переводя его в качество пространственного исполнения, где каждый кубический сантиметр несёт на себе какую-то функцию, тем самым, создавая выразительность всего сооружения. “Если сейчас искусствоведы и пытаются конструктивизм втереть в искусство, рассматривая его как стиль, то это объясняется их профессиональной болезнью видеть в вещах не их суть, а какое-то произведение, да ещё искусства” [Яловкин, 1928: 43].

В статье “О социологии искусства” роль “социологии архитектуры”⁸ заключается в следующем: “Вне круга социологических дисциплин, изучающих законы общественного развития и проявление этих законов в различных областях идеологической и практической жизни, невозможно уяснить закономерность новых течений в архитектуре и вскрыть соответственно классовую подоплеку их; вне этого круга невозможно разобратся в социальной полезности, ценности и нужности этих течений и найти верный путь к созданию новых форм организованного пространства, соответствующих нашим общественно-организационным формам” [Хигер, 1929: 114]. Или “исходя из анализа того, что такое социалистическое общество, какова его структура, взаимная связь между отдельными членами его, как оно возникает, развивается, какова его работа, отдых, времяпрепровождение, какие цели преследует и т.п. возможно появление архитектуры достойной эпохи” [Вельман, 1929: 122]. Но, что удивительно, “разрешить задачу социологической разработки вопросов архитектуры и архитектурного творчества <...> смогут только широко образованные научные кадры архитекторов” [Хигер, 1929: 120].

Примечательно использование социологического инструмента – небольшой анкеты на страницах журнала “Современная архитектура” в 1926 г. За пять лет существования издания было проведено два обследования: “О плоской крыше” для “специалистов” и “О новом быте”, причём как для профессионалов, так и для широких слоёв населения. Несмотря на то, что результаты этих исследований так и не будут опубликованы, через два года на свет появятся оригинальные идеи нового способа оформления жилища, которые войдут в историю архитектуры как спор двух междисциплинарных группировок – так называемых урбанистов и дезурбанистов⁹. Советские авангардисты, таким образом, одними из первых поставили вопрос об участии общественности в системном процессе разработки архитектурного проекта.

Несмотря на короткий период существования, теоретическое наследие эпохи авангарда повлияло на дальнейшее развитие советской архитектуры и градостроительства. В начале 1960-х гг., архитектор Л. Чериковер, один из участников конструктивистского сообщества, входил в группу разработчиков будущей “хрущёвки”, где, основываясь на методе расщепления трудовых процессов, проектировалась планировка квартиры. Типовое исполнение разрабатывалось и в 1920-е гг. [Гинзбург, 1929], но экспериментальные проекты не были реализованы.

Эпоха конструктивизма несла в себе высокую гуманистическую цель, стремясь объединить в себе как следствия, так и причины социального переустройства. Однако сегодня, вплетаясь в модернизм, представляется горячо критикуемым за “хрущёвки” и “панельки”. Советское градостроительство было “ущербной системой, по-

⁸ Это словосочетание впервые появится на страницах журнала “Современная архитектура” (№ 3, 1930).

⁹ Этот период подробно описан в работах С.О. Хан-Магомедова.

скольку, во-первых, искусственно объединяло совершенно разные в управленческом отношении объекты и цели, а во-вторых, игнорировало интересы конкретных людей и групп, насаждая самые примитивные, антигуманные стандарты городской среды” [Высоковский, 2012].

Сформированная лишь в общих чертах интеллектуальная заявка на архитектуру как предмет социологического анализа, впервые формируется именно в период авангарда, но так и не приобретает полноценного развития. Отечественная социология продолжала “традиции дореволюционной русской социологической школы. Одновременно сильнее становилось влияние советского варианта марксистской социологической теории, которая была нацелена на утверждение только собственных представлений и разрыв с прежними достижениями отечественной социологической мысли” [Санжаревский, 2012]. Усиление идеологического контроля в начале 1930-х гг. не подразумевало социологического теоретизирования и проведения эмпирических исследований. Появление Союза архитекторов в 1932 г. фактически установило запрет на организацию творческих объединений и стилевых экспериментов¹⁰. Дальнейшее развитие концепция марксистского анализа архитектуры, шире – городской среды, получит уже в несколько иных смыслах¹¹. Российская же традиция теоретического осмысления пространства оказывается прерванной на несколько десятилетий.

Процесс институционализации социологии с появлением Советской социологической ассоциации в составе АН СССР практически совпадает с началом эпохи индустриального домостроения¹². Тематическая и исследовательская перспектива публикуемых работ будет впоследствии описана Ю.Н. Давыдовым как третий этап в социологии искусства СССР [Давыдов, 1967]. В 1958 г. в журнале “Архитектура СССР” впервые появляются строки, вскользь затрагивающие тематику социального знания об архитектуре: “Если признать, что архитектура имеет социальную сущность, то следует иметь в виду, что эта сущность неодинаково проявляется в различные эпохи в зависимости от задач, которые ставит жизнь перед архитектурой” [Хан-Магомедов, 1958: 45].

Отличительной чертой периода “оттепели” является увеличение количества публикаций в профессиональной печати, затрагивающих важность осмысления социального значения архитектурного и градостроительного проектирования. Поэтому в статьях зачастую появляются высказывания о социальном подтексте в архитектуре, но носят они описательный характер, не углубляясь в теоретические поиски и не провоцируя дискуссий. Например, “в архитектуре разных эпох легко можно увидеть различное понимание пространства, которое ярко выражало сущность социальных отношений той или иной эпохи” [Тасалов, 1961: 50]. Более конкретное теоретизирование начнётся позже, после критики скудного представления о природе социальных процессов в советских городах. “Общение людей в городе, тенденции его развития – одна из наименее разработанных тем” [Кравцов, Тимяшевская, 1969]. Акцент делается на прикладном характере социологического анализа городского пространства: “При проектировании функционально-пространственной среды многогранные формы человеческой жизни семейной и общественной необходимо отражать в таких архитектурных формах, которые обеспечивали бы предпосылки для формирования потребностей и интересов, целей и идеалов человека коммунистического завтра” [Кравцов, Тимяшевская, 1969: 29]. В социологическом подходе усматривается спо-

¹⁰ 23 апреля 1932 г. вышло постановление Центрального Комитета ВКП(б) “О перестройке литературно-художественных организаций”, де-факто подразумевающее централизованный идеологический контроль за творческими объединениями.

¹¹ Особое значение приобретает концепция производства пространства, разработанная французским неомарксистом А. Лефевром в начале 1970-х гг., а также сформулированный им тезис “права на город”, впоследствии развитый английским географом Д. Харви. Городское пространство становится средством воплощения процесса “опространствления” капитала, пользуясь термином Э. Сойи. По сути, во второй половине XX в. объектом исследований неомарксистов становится процесс урбанизации.

¹² Постановление № 1871 ЦК КПСС и СМ СССР от 4 ноября 1955 г. “Об устранении излишеств в проектировании и строительстве” считается общепризнанным началом советской модернистской архитектуры.

соб научного преобразования городской среды: “Важными социальными задачами являются: (а) преодоление существенных различий между городом и деревней; (б) дальнейшее развитие малых и средних городов; (в) ликвидация перенаселенности крупных городов; (г) решение жилищной проблемы; (д) развитие системы культурно-бытового обслуживания” [Яргина, 1967]. Эта тематика часто появляется на страницах профильных журналов.

В 1970 г. выходит сборник статей под названием “Архитектурно-социологические исследования”, к которому авторами критикуется “вульгарная социология” 1920-х гг., рассматриваются западные подходы в социологии города, но архитектура как предмет исследований не обозначается¹³, несмотря на яркое название. Эпоха Брежнев делит сферу архитектурного проектирования на самостоятельные и независимые друг от друга части – само архитектуру и строительство¹⁴. Тем не менее “за период 1969–1989 гг. в стране было издано более 150 монографий и сборников по урбаносоциологии, а с учетом ведомственных изданий и междисциплинарных работ – более 300, в том числе несколько библиографических справочников и обзоров. С началом перестройки прикладные исследования стали вести главным образом негосударственные организации (Академия городской среды, Центр урбанистики, Институт города и др.). Академическая социология, напротив, практически перестала интересоваться проблемами урбанизации” [Яницкий, 1998: 148]. Разницы между дисциплинарной спецификой не проводилось – всё, что имело отношение к городу, подводилось под черту “урбаносоциологии”¹⁵.

Одним из ключевых вопросов, который представляет исследовательский интерес по затронутой тематике, является выяснение роли результатов социологических обследований в формировании новых типов жилья, т.н. серий улучшенной планировки. Примечателен пример работ кандидата архитектуры, сотрудника ЛенЗНИИЭПа В.Л. Ружже, которая совместно с Ленинградской кафедрой философии АН СССР инициировала серию обследований жилища. Первое масштабное исследование было проведено во второй половине 1960-х гг. в Ленинграде и Норильске и предполагало выяснение степени удовлетворённости населения жилищными условиями в новых районах¹⁶. “Новые социальные явления, ещё не получившие должного теоретического осмысления, развиваются неумолимо, стихийно, зачастую без необходимой материальной базы и руководства, в случайных приспособляемых помещениях, что, безусловно, искусственно сдерживает их рост” [Ружже, 1969]. Результатами работы стали предложения касательно планировочной структуры жилья в зависимости от социальных и демографических характеристик жителей микрорайона, размещения предприятий общественного обслуживания, вплоть до идеи полицентричной городской структуры. Примечательно, что первые серии домов, отличающихся от “хрущёвок” как по планировочному решению, так и по этажности, обозначенные наименованием “улучшенных серий” появятся лишь в начале 1970-х гг., спустя десять лет микрорайон Шувалово–Озерки в Ленинграде будет строиться “с учетом результатов архитектурно-социологических исследований” [Ружже, 1978].

В книге “Жилые ячейки в будущем”, выпущенной в 1982 г., приводятся данные: “ЦНИЭЭП жилища с участием МЭСИ провели специальное исследование 93,7 тыс. семей СССР с целью получения данных, необходимых для улучшения типологии жилых

¹³ Сегодня тематику подобных исследований отнесли бы к социологии города.

¹⁴ Симптоматичным примером можно считать появление государственных премий “Заслуженный архитектор СССР” и “Заслуженный строитель СССР”.

¹⁵ Всеобъемлющий термин “урбаносоциология” О.Н. Яницкого представляется наиболее уместным для обозначения общего характера социологических исследований городской среды в советскую эпоху. Центральной характеристикой является отсутствие методического разнообразия, дисциплинарной дифференциации, теоретических концепций. “Урбаносоциология” – это и социология города, архитектуры, ландшафта, пространства.

¹⁶ Темпы ввода жилья 1951–1955 гг. составили 145 млн кв. м; 1956–1960 гг. 281 млн кв. м. [Кривов, Крупнов, 2004]. При норме в 9 кв. м. на человека это позволило предоставить жильё чуть более 4,5 млн человек за десятилетие.

ячеек и их распределения”, которое ставило целью проанализировать структуру советской семьи и предложить “новые поколения типовых проектов массового жилища” [Жилая ячейка, 1982: 39]. Отталкиваясь уже от истории отечественной архитектуры второй половины XX в. [Современная..., 1985] можно констатировать, что ряд экспериментальных проектов был осуществлён¹⁷. Хотя в самой книге речь шла о предварительной работе: “Необходимо решить три основные задачи: (а) разработать механизмы перевода подробно разработанных социально-демографических характеристик населения в архитектурно-пространственные формы; (б) разработать механизм отражения в жилище <...> процессов жизнедеятельности индивида, семьи и различных совокупностей семей; (в) представить решение этих задач с учетом местных природно-климатических, социально-демографических и национально-бытовых особенностей, а также степени урбанизированности территории” [Жилая ячейка, 1982: 65].

Однако вопрос о четкой связи между социологией и проектированием улучшенных типовых серий жилья не имеет конкретной фиксации. В уже упомянутом ЦНИИЭП жилища в Москве был организован специальный отдел по социологическим обследованиям, существовала лаборатория социологических исследований Московского научно-исследовательского и проектного института объектов культуры, отдыха, спорта и здравоохранения, в 1969 г. был создан отдел по изучению проблем в сфере архитектуры и градостроительства при Советской социологической ассоциации. Участники событий высказывают противоречивые, зачастую полярные точки зрения¹⁸. Социологические обследования давали результат, однако реализация полученных рекомендаций сталкивалась с рядом ограничений, несмотря на потенциал общественного заказа. Сочетание социологии и архитектуры не имело основополагающего характера при проектировании, вероятно, ввиду специфики хозяйственных отношений, процесса принятия решений, производительных сил строительного сектора.

Помимо практических исследований проводились дискуссии. В 1966 г. в Москве было организовано заседание теоретического клуба архитекторов, первой темой которого стало обсуждение творческого вклада социологии в проектирование городов. Примечательно, что сборник статей появился лишь в 1968 г., а упоминание в “Архитектуре СССР” – в 1970 г. Интерес заслуживает выступление Г.Г. Дюментона, участвовавшего в разработке концепции НЭР¹⁹. Он утверждал, что “анализ связи между нами определяет нашу связь с материальной средой (сооружением). Существует, конечно, и обратная связь – влияние среды на эффективность общения” [Дюментон, 1968]. Анализ коммуникации является ключевым элементом, ибо «только тогда будет получено описание социальной функции как формы общения в чистом виде. И только когда будет получено максимально точное описание социальной функции самой по себе, её можно будет “пересадить” в среду, чтобы, опять-таки, исходя из специфики функции, сформировать для архитектора социальный заказ на преобразование среды» [Дюментон, 1968]. В дальнейшем латышский архитектор И. Страутманис продолжит изучение коммуникационной модели, рассматривая архитектуру как информационное сообщение, в котором информация рассматривается как “отражённое разнообразие”, а архитектура – как “одновременная передача информации и в пространстве, и во

¹⁷ Например, районы Чертаново Северное, Тропарёво, жилой комплекс “Лебедь”, “Чазовский дом” (Москва), микрорайон “Лаздинай” (Вильнюс). Отдельного исследования заслуживает феномен молодежных жилых комплексов и проектировочные решения наукоградов.

¹⁸ К примеру, доктор архитектуры К.К. Карташова, руководитель сектора перспективных проблем жилища и социологических исследований ЦНИИЭП жилища в 1970-е гг., утверждает факт непосредственной связи между результатами социологических обследований жилища и сериями улучшенной планировки, в то время как О.И. Шкаратан, член отдела по изучению проблем в сфере архитектуры и градостроительства при ССА, считает, что говорить о подобных пересечениях бессмысленно.

¹⁹ НЭР (Новый элемент расселения) – градостроительная концепция, представленная в дипломной работе студентов МАРХИ в 1960 г. Транспортные связи и социальные коммуникации представлялись фундаментальными элементами городских социальных процессов. Реализация гуманистических принципов впоследствии осуществлялась в проектах реконструкции Арбата и Столешникова переулка в Москве.

времени” [Страутманис, 1978: 19]. Основными категориями выступают понятия оригинальности (непредсказуемости) и банальности (предсказуемости) архитектурной формы. Рассматриваются также психологические аспекты влияния архитектуры.

В 1978 г. В. Глазычев публикует статью “Социология архитектуры”, в которой обозначается, что “социология архитектуры интересуется, прежде всего, всеми формами неудовлетворенности, возникающей в контакте людей с архитектурой, интересуется изменением этих форм, так как именно изменение форм неудовлетворенности является очень точным показателем прогресса в культуре, ибо неудовлетворенность как зеркало отражает потребность – уже осознанную или еще только смутно ощущаемую” [Глазычев, 1978]. Автор выделяет проблемы: изучение профессиональной группы архитекторов и анализ потребностей общества. Статья затрагивает сферу социологической науки как метод эмпирической фиксации общественных настроений, не проводя никаких аналогий с историей или теорией социологии, описывает прикладной характер дисциплины.

В журнале “Декоративное искусство СССР” (№ 8, 1973) публикуется работа польского исследователя А. Валлиса. Автор критикует семиотику архитектурных форм за отсутствие эмпирического подтверждения. Также он рассуждает о символической ценности отдельных сооружений, проводит оригинальную линию в истории использования колонн как “воплощения общественного статуса и престижа” [Валлис, 1973].

В монографии “Архитектура и общество” (1973) ленинградский философ Г.Ф. Сунягин описывает предметную область социологического анализа архитектуры. “По архитектуре определённого исторического периода, понимаемой в самом широком смысле как искусство организации пространственных структур, образующих необходимую среду для жизнедеятельности общества, можно во многом воссоздать образ жизни и структуру соответствующего общества” [Сунягин, 1973: 3]. В дальнейшем автор приводит примеры из истории архитектуры, затрагивая такие стили, как модерн и эклектизм, выставляя их как продукт буржуазной культуры, критикуя отсутствие “социального идеала”; анализирует период русского и немецкого конструктивизма. Однако не идет в своих рассуждениях дальше, останавливаясь на эпохе авангарда, не анализируя современные “образ жизни” и “структуру общества”, не предлагая методологического подхода к анализу.

Перечисленные работы объединяет скупость теоретико-методологической базы. Разумеется, основываются они на советской версии марксизма, но зачастую дальше критики буржуазной культуры, а также догматических высказываний речь не заходит. Сложно также выделить социологическую перспективу исследований, за исключением конкретных эмпирических обследований. С этим, вероятно, можно связать и отсутствие однозначного мнения о возможных связях между социологией и архитектурой, поскольку трактовка предметной области социологии может сильно различаться. Ограниченность в философских вопросах, доктрина социалистического расселения, реальные потребности жизни, связанные с массовым жилищным и гражданским строительством, накладывали свой отпечаток на теоретические поиски. “Социология разоблачала миф о совершенстве и гармонии советского общества”, – писал Фирсов в 2008 г., что «огорчало “заказчика” – власть» [Фирсов, 2008: 237]. Индустриализированное домостроение, судя по всему, проявляло слабый интерес к социологии, гораздо чаще на страницах журналов появляется слово “экономика”, а не “социология”.

Социальный подтекст архитектуры представлялся очевидным, но глубина проработанности отсутствовала, уступая место идеологической обусловленности. “Урбансоциология” представляется главенствующим направлением в вопросе исследований искусственной среды обитания. Этот термин представляется наиболее уместным в определении направления социологических исследований второй половины XX в. в СССР.

Итак, потребность в социологической интерпретации городского архитектурного пространства впервые формируется в начале 1920-х гг. Интеллектуальные поиски, основанные на марксистском гуманизме, были впоследствии искусственно заморожены. Жёсткий идеологический контроль в сталинский период не подразумевал как

социологических исследований, так и свободного архитектурного творчества. Восстановление социологического теоретизирования, а также темпы урбанизации в СССР заново спровоцировали интерес к осмыслению архитектурного пространства, но уже не в критическом направлении. Любое теоретизирование требовало интеллектуальной ангажированности, что придавало результату исследования ряд специфических черт, которые могли быть далеки от реального положения дел. Тем не менее любая социологическая теория неизбежно строится на ряде философских предпосылок, которые в СССР объединялись “под знаменем” грубо отшрифтованного марксизма. Несмотря на непререкаемый идеологический фундамент в социологической традиции советского теоретизирования, «мы (советские социологи. – М.Е.) обычно и привычно только “применяли”, но практически никогда “не углубляли” марксистскую теорию» [Фирсов, 2008]. Что не представляется удивительным ввиду ряда авторитарных ограничений свободной интеллектуальной деятельности. “За архитектурными схемами стоят определённые модели образа жизни”, – писал О.Н. Яницкий уже в 2000-х гг. [Яницкий, 2009: 35]. Изучение “образа жизни” осуществлялось благодаря эмпирическим исследованиям трудовых процессов, досуга, подвижности и т.п. Но, несмотря на интеллектуальный потенциал, теоретическое углубление оказывалось невозможным. «В конечном счете, господство названной (советской. – М.Е.) системы над исследователем привело к формированию “служебной” социологии, призванной “научно подкреплять” уже принятые градостроительные решения» [Яницкий, 1998: 154].

Долгое время сохранялся и появившийся в 1930-е гг. градостроительный прием, когда «соцпоселок возводится, исключительно, для обслуживания производства, которое, собственно, и диктует требования к формированию определенных условий жизни. Здесь “деятельность” устанавливает, какие формы “жизни” необходимы для восстановления производительных сил» [Меерович, 2007: 279]. Это отразилось в размещении производства в районе бассейнов рек, в то время как жилые районы оказывались отрезанными от водоёма на большом протяжении. Потребность водяного охлаждения заводских механизмов зачастую оказывалась выше рекреационной составляющей обслуживающего производство населения района.

Проектирование городского пространства отразилось в строгих требованиях градостроительных и архитектурных регламентов²⁰. В период “перестройки” была предпринята попытка создания принципиально нового подхода к формированию архитектурной среды с обсуждением программы “Жильё-2000”, но она не была реализована. Сложно говорить о влиянии социологии на процесс проектирования городской среды, это было скорее “участие хорошо образованных людей в обсуждении и реализации того или иного проекта”, окончательное решение принималось уже другими, более влиятельными участниками. Связь между социологией и проектированием городской среды прослеживается, но степень реализации сформированных и обоснованных предложений оказывалась практически нулевой ввиду целого ряда факторов институционального свойства. Тем не менее существующие проекты демонстрируют оригинальные планировочные решения, иллюстрируя потенциал использования социологических методов в процессе разработки архитектурного сооружения.

Таким образом, рассматривая социологический анализ архитектуры с точки зрения опросных технологий, результаты исследований могут представлять ценность как индикатор удовлетворённости жилищными условиями, а также позволяют определить некоторые перспективные направления развития строительного сектора в идеальных условиях учёта “общественного заказа”. Подобная работа, например, проводится в Англии силами RIBA²¹ [The way..., 2012]. Но, “скомпрометируемость марксистской

²⁰ Подразумеваются строительные нормы и правила, микрорайонное планирование, архитектура как вариации использования стандартизированных элементов конструкции.

²¹ Royal Institute of British Architects (RIBA) – аналог Союза архитекторов России. Опубликованный в 2012 г. отчет об удовлетворенности жилищными условиями различных категорий граждан освещает конкретно архитектурно-пространственные проблемы, будь то дефицит естественного освещения, личного пространства, потребность в выделении места под бытовые функции.

парадигмы" [Трубина, 2011: 128], а также отсутствие теоретической социологии [Филлипов, 2007] затрудняют обозначение эпистемологической перспективы социологических исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов Р.Н. Российские менеджеры: социологический анализ становления профессии. М., 2005.
- Архитектурно-социологические исследования / Науч. ред. А.Ф. Крашенинников. М., 1970.
- Барщ М. Влияние зрительных впечатлений на трудовые процессы // Советская архитектура. № 2. 1928. С. 72.
- Валлис А. Социальный смысл архитектурной формы // Декоративное искусство. № 8. 1973. С. 21–25.
- Вильковский М.Б. Социология архитектуры. М.: Фонд "Русский авангард", 2010.
- Вельман В. Дом-коммуна // Современная архитектура. № 4. 1929. С. 122–123.
- Высоковский А.А. Управление пространственным развитием // Отечественные записки. № 3. 2012. С. 36–48.
- Гинзбург М.Я. Международный фронт современной архитектуры // Современная архитектура. № 2. 1926а. С. 41–46.
- Гинзбург М.Я. Функциональный метод и форма // Современная архитектура. № 4. 1926b. С. 89–92.
- Гинзбург М.Я. Проблемы типизации жилья РСФСР // Современная архитектура. № 1. 1929. С. 4–7.
- Глазычев В.Л. Город без границ. М., 2011.
- Глазычев В.Л. Социология архитектуры. Сборник союза архитекторов // Зодчество. № 2 (21). 1978.
- Гуревич И. Строительство соцгородов // Наше строительство. 1932. № 21–22. С. 1010–1014.
- Давыдов Ю.Н. Эстетика и социология // Декоративное искусство. № 5. 1967. С. 8–10.
- Делитца Х. Архитектура в социальном измерении // Социологические исследования. 2010. № 8. С. 113–121.
- Диканский М. Жилищный вопрос. Харьков, 1919. С. 227.
- Дюментон Г.Г. Информационный бюллетень СА СССР: градостроительство и социология. Материалы заседаний теоретического клуба СА СССР и исследовательского комитета социальных проблем градостроительства и архитектуры Советской социологической ассоциации. М., 1968.
- Жилая ячейка в будущем / Науч. ред. Б.Р. Рубаненко, К.К. Карташова. М., 1982.
- Кравцов Г., Тимяшевская М. Конкретно-социологическое исследование и формирование жилой среды // Архитектура СССР № 10. 1969. С. 6–9.
- Кривов А.С., Крупнов Ю.В. Дом в России. Национальная идея. М., 2004.
- Кузьмин А. Проблема научной организации быта // Современная архитектура. № 3. 1930. С. 14–17.
- Майор Матэ. Актуальные проблемы социалистической архитектуры // Архитектура СССР. № 11. 1959. С. 49–52.
- Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в двух томах. Т. I. М., 1948.
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955.
- Маца И. Искусство Западной Европы // Современная архитектура. № 3. 1926. С. 5–6.
- Меерович М.Г. Рождение и смерть города-сада. Градостроительная политика в СССР. 1917–1926 гг. От идеи поселения-сада к советскому рабочему поселку. Иркутск, 2008.
- Паперный В.З. "Культура два". М.: Новое литературное обозрение, 2007.
- Ружже В.Л. Социология и жилище. Социология города. Информационный бюллетень №1(16). Научный совет АН СССР по проблемам конкретных социологических исследований ССА. ИКСИ АН СССР. М., 1969.
- Ружже В.Л. Социальный эксперимент в жилой среде. Эффективность жилой среды в условиях городского образа жизни. Материалы научно-теоретического совещания. Л., 1978.
- Санжаревский И.И. История, методология и техника исследования проблем общества и личности в социологии. Тамбов, 2012.
- Смит Р., Бани В. Теория символического интеракционизма и архитектура // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 71–79.
- Современная советская архитектура 1955–1980 гг. Былинкин Н.П., Журавлев А.М., Шишкина И.В. и др. М., 1985.
- Сунягин Г.Ф. Архитектура и общество. Л., 1973.
- Тасалов В. Некоторые проблемы развития современной архитектуры // Архитектура СССР. № 6. 1961. С. 35–39.

- Трубина Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. М., 2011.
- Филиппов А.Ф. Наука и воля к власти. Русский репортер. URL:http://rusrep.ru/2007/19/news_pauka_i_volya/ (дата обращения: 15.05.2014).
- Фирсов Б.М. История советской социологии: 1950–1980-е годы. Очерки. СПб., 2012.
- Хан-Магомедов С.О. О роли архитектора в переустройстве быта // Советская архитектура. 1958. № 1. С. 45–47.
- Хигер Р. О социологии искусства // Современная архитектура. № 3. 1929. С. 114–120.
- Хигер Р. К вопросу об идеологии конструктивизма в современной архитектуре // Современная архитектура. № 3. 1928. С. 92–102.
- Хмельницкий Д.М., Меерович М.Г., Конищева Е.В. Кладбище соцгородов. Градостроительная политика в СССР 1928–1932 гг. М., 2011.
- Яловкин Ф. Заметка в связи с проектом И. Леонидова // Современная архитектура. № 2. 1929. С. 43–45.
- Яницкий О.Н. Социология города. Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. 2-е изд., пераб. и дополн. М., 1998.
- Яницкий О.Н. Досье инвайронменталиста. Очерк интеллектуальной биографии. М., 2009.
- Яргина З.Н. Задачи социологии в градостроительной науке и проектировании // Архитектура СССР. № 2. 1967. С. 43–47.
- The way we live now: What people need and expect from their homes. *Stephen Finlay, Isabella Pereira, Ella Fryer-Smith, Anne Charlton, Rebecca Roberts-Hughes*. A research report for the Royal Institute of British Architects, 2012. URL:<http://www.ipsos-mori.com/researchpublications/publications/1467/The-way-we-live-now.aspx> (дата обращения: 14.05.2014).

© 2014 г.

Г.В. ТАРТЫГАШЕВА, Т.Г. ЦЫБИКОВ

МОДЕРНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ (на примере Республики Бурятия)

ТАРТЫГАШЕВА Галина Владимировна – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры политологии и социологии Бурятского государственного университета (E-mail: tarty@yandex.ru); ЦЫБИКОВ Тимур Гомбожапович – кандидат социологических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств, министр культуры Республики Бурятия (E-mail: timour@smt.ru).

Аннотация. Рассматриваются социально-экономические, кадровые и организационные проблемы реформирования учреждений культуры. Выявлено и проанализировано состояние их деятельности в Бурятии на основе статистических данных и мнений руководителей муниципальных органов управления и учреждений культуры.

Ключевые слова: культурная политика • реформа сферы культуры • муниципальные учреждения культуры • Республика Бурятия

Общепрофессиональные тенденции. Социокультурная модернизация общества в соответствии с идеологией рыночной модели в первую очередь предполагает реформы культуропроизводящих институтов на основе принципов пропорционального соотношения государственной и общественной составляющих культурной деятельности. В рамках современного подхода обеспечение конституционных прав граждан на до-

120